

УДК 801.52

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В АВАРСКИХ, РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ВСЕСИЛЬНОСТИ ЛЮБВИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Эльвира Исаева

GENERAL AND SPECIFIC FEATURES IN AVAR, RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS ABOUT THE OMNIPOTENCE OF LOVE: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

Elvira Isaeva

The article analyzes the linguistic and cultural bases of mentality in paremiology of languages belonging to different systems: Avar – one of Daghestan languages, Russian and English. Among these bases are the characteristics, forming the paremiological image of love as an omnipotent phenomenon. Detailed research into paroemia with the concept “love”, particularly its aspect “omnipotence”, makes it possible to reveal considerable coincidences in the semantics of these paroemias.

Paroemias with equivalent cognitive structures can differ in linguistic representations of their inner form and indicate differences in emotional and evaluative attitudes. For instance, while associations of love with heart and sweetness are more typical of the Avar paremiological world view, in the Russian and English paremiological world views love is more often associated with a person.

The article shows that the objectivation means, used to reveal the omnipotence of love, can differ in each language. Synesthetical metaphors, based on intersense transfers, are the means, which help to express emotional attitudes of the ethnos. The characteristic features of demonstrating love by native speakers can be defined depending on the predominating kinds of synesthetical metaphors (anthropological, biomorphic, local, etc.).

The analysis also concludes that synesthetical metaphors and lexemes expressing love play an important role in the formation of the sense code. For each ethnos the sense code includes the combination of images, feelings, and metaphorical representations of love. It can be verbally represented by the components of other cultural codes. Compared metaphors and components of sense code reflect both universal features and national specific features and cultural mentality, fixed in the language of ethnoses.

Keywords: paroemia, paremiological world view, cultural code, metaphor, concept, sense code.

Статья посвящена рассмотрению лингвокультурологических оснований менталитета в области паремиологии трех разносистемных языков: аварского – одного из дагестанских языков, русского и английского. В качестве таких оснований анализируются признаки, формирующие паремиологический образ любви как всесильного явления. Детальное изучение паремий, в которых реализуется концепт «любовь», в частности, его аспект «всесильность», позволяет выявить значительное совпадение семантики рассматриваемых паремий.

При эквивалентности когнитивных структур сопоставляемых паремий особенности языковой репрезентации отражены во внутренней форме и свидетельствуют об отличиях в эмоционально-оценочном отношении. К примеру, если наиболее типичным для аварской пословицной картины является ассоциация любви с сердцем, сладким вкусом, то для русской и английской пословицной картин свойственно чаще сравнивать чувство любви с человеком.

Установлено, что способы объективации всесильности любви могут отличаться в каждом языке. Синестетические метафоры, основанные на межчувственных переходах, являются тем способом, который позволяет выразить эмоциональное отношение этноса. В зависимости от преобладающих видов синестетических метафор (антропоморфная, биоморфная, локально-пространственная и т. д.) можно определить специфику проявления любви носителем языка.

Анализ исследуемого аспекта выявляет также, что значимость синестетических метафор и лексем, характеризующих чувство любви, обнаруживается в формировании чувственного кода. Для каждого этноса чувственный код включает в себя совокупность образов, ощущений, метафорических репрезентаций чувства любви и может вербально передаваться через компоненты других культурных кодов. Сопоставляемые метафоры и компоненты чувственного кода отражают не

только общие, универсальные черты, но и национальную специфику, культурные особенности менталитета, закреплённые в языке этносов.

Ключевые слова: паремия, пословичная картина мира, культурный код, метафора, концепт, чувственный код.

В любой национальной культуре чувство любви является той сферой, в которой наиболее полно выражаются человеческие взаимоотношения. Как базовое чувство, передающее психоэмоциональное состояние человека, в менталитете сопоставляемых этносов любовь отличается глубиной, активностью, всесильностью. Лингвистика как одна из социально значимых научных дисциплин также включает концепт «любовь» в состав изучаемых объектов. Поэтому для обеспечения полноты исследования лингвокультурологического концепта «любовь» представляется верным анализ его паремиологической реализации.

Исследование концепта «любовь» на паремиологическом материале не случайно, так как экстралингвистическая информация содержания концепта выявляется в его интерпретационном поле, которое отражается в пословицах и поговорках. По мнению Д. Ю. Полинченко, «в пословичном фонде языка хранятся специфические черты обыденного сознания этноса» [Полинченко, с. 83].

Могущество любви как составляющая концепта «любовь» в менталитете сопоставляемых этносов исследуется на основе паремиологического материала о любви, в котором раскрываются не только универсальные, но и специфические черты сопоставляемых этнокультур. Методом сплошной выборки из 1386 пословиц с концептом «любовь» из словарей пословиц и поговорок сопоставляемых языков была выделена 661 паремия с маркером «любовь к противоположному полу». Иллюстративный корпус пословиц, отражающих аспект «всесильность любви», составил 35 единиц (9 аварских, 10 русских, 16 английских).

Источником формирования иллюстративного корпуса послужили паремиологические словари русского языка [Аникин], [Даль], [Кузьмин, Шадрин], словари пословиц и поговорок английского языка [Райдаут, Уиттинг], [Мюррей], [Speake], словарь аварских пословиц и поговорок [Алиханов С., Алиханов З.]. (Перевод приведенных в статье пословиц и поговорок аварского языка на русский язык осуществлен автором статьи).

Национально-культурную специфику концепта «любовь» можно установить в ходе лингвокультурологического анализа, при котором тот

или иной признак любви мы раскрываем в ходе сопоставления синестетических метафор, образованных в результате интермодальных переносов. Кроме того, одним из этапов исследования является установление так называемого «чувственного кода» на основе своеобразной комбинации культурных кодов. (Следует отметить, что чувственный код может выступать частично как синоним эмоционального кода, однако для нашего исследования понятие «чувственный код» является более предпочтительным, так как рассматривает изучаемое явление шире, включает в себя различные проявления эмоционального кода. В отличие от эмоционального кода, ориентированного на эмоциональные проявления любви, чувственный код несет также информационную и смысловую нагрузку о рассматриваемом чувстве). Лексика, на основе которой образуются синестетические метафоры и, соответственно, чувственный код, создает эмоционально-оценочный фон сопоставляемых этносов и репрезентирует систему оценок, типичную для той или иной культуры. Здесь можно утверждать, что национальную специфику или общность чувственного кода может раскрыть и концептуальный анализ, который «основывается на сопоставлении совокупности словоупотреблений лексем, реализующих тот или иной концепт с последующей интерпретацией смысловых различий в словоупотреблении» [Хроленко, с. 135].

Для анализа данного аспекта в сопоставляемых паремиях в ходе сплошной выборки нами было выделено несколько наиболее частотных признаков – лингвокультурем, лежащих в основе категоризации эмоций чувства любви в сопоставляемых языках и формирующих паремиологический образ любви отмеченных этносов: 1) любовь не знает поражений; 2) любовь самостоятельно принимает решения; 3) любовь подобна огню; 4) влюбленный человек не может рассуждать рационально; 5) любовь заставляет быть активным.

Всесильность любви демонстрируется в русских пословицах с лингвокультуремой «**Любовь не знает поражений**», где чувство любви приобретает **качества победителя**, наделяется человеческими способностями: *Любовь все побеждает; С любовью не шутят* [Аникин, с. 170, 276]. В эквивалентных английских паремиях любовь как всемогущее человеческое существо представлена шире: *Love conquers all.* – ‘Любовь побеждает

все'; *Love will go through stone walls.* – 'Любовь пройдет через каменные стены'; *Love will find a way.* – 'Любовь найдет дорогу' [Speake, с. 196]; *It is love that makes the world go round.* – 'Любовь движет миром' [Райдаут, Уиттинг, с. 111]; *Love will creep where it cannot go.* – 'Гони любовь в дверь, она влетит в окно' [Margulis, Kholodnaya, с. 53]; *Love is stronger than death.* – 'Любовь сильнее смерти'; *Love laughs at locksmiths.* – 'Любовь смеется над замками' [Мюррей, с. 115–116, 60]; *Love rules the country without a sword.* – 'Любовь без ножа управляет государством'; *Love is as strong as death.* – 'Любовь так же сильна, как и смерть' [Кусковская, с. 103]; *To a brave heart nothing is impossible.* – 'Для смелого сердца нет ничего невозможного'; *Love is above King or Kaizer, Lord or laws.* – 'Любовь выше короля, лорда или закона' [Воркачев, с. 30]. От нее невозможно укрыться, ей ничто не может противостоять.

Метафоричность русских и английских пословиц основана на синестетическом переносе качеств человека на испытываемое им чувство любви. Антропоморфный и локально-пространственный коды образованы компонентами антропоморфной, кинестетической, локально-пространственной метафор *conquers* – 'побеждает', *go through* – 'проходить через', *find a way* – 'находить дорогу', *makes the world go round* – 'заставлять мир кружиться', *creep* – 'ползти', *stronger* – 'сильнее', *rules* – 'управляет' и передают образ любви как сознательного существа, способного передвигаться в пространстве, смеяться, бороться, то есть совершать осознанные действия, подобно человеку.

В менталитете аварцев любовь выступает как победитель в плане физиологического воздействия на человека. В паремии *Рокьуца ракъя биунеб, балаяль берзул нур унеб.* – 'От любви тают кости, от страсти слепнут глаза' (букв.: Любовь плавит кость, страсть уносит свет глаз) [Алиханов, Алиханов, с. 387] компонент температурного кода *плавит* демонстрирует синестетический перенос «температурное → чувственное». Чувствами невозможно управлять, как и температурной субстанцией. Кроме того, чувственный код в аварской паремии репрезентируется метафорическими компонентами, представляющими чувство настолько «горячим», что оно разрушает даже прочную кость. Следует добавить, что чувственный код в аварской паремии демонстрируется и через соматический код *слепнут глаза*, что дополнительно говорит о силе чувств, о невозможности управлять ими, как и температурой.

Можно предположить, что отсутствие антропоморфного кода в аварских пословицах свиде-

тельствует о неконтролируемости чувств в аварском менталитете. Несмотря на принадлежность к одной сфере «любовь – победитель», температурный код в аварской пословице отмечает бесконтрольность и неуправляемость любви в отличие от русских и английских пословиц, что относит ее к так называемым «маркерам единичного пословичного менталитета I порядка». Согласно мнению исследователя Е. В. Ивановой, данное определение характеризуют пословицы-маркеры, которые «обладают уникальным значением и уникальной внутренней формой» и, соответственно, не свойственны пословичной картине другого этноса. Следует пояснить, что термин «маркер», использованный в исследовании Е. В. Ивановой, раскрывает пословичный менталитет сопоставляемых этносов, позволяет группировать менталитет по трем параметрам через внутреннюю форму пословиц, в которой отражена конкретная ситуация, а также через отдельные компоненты с национально-специфической окраской. Как полагает Е. В. Иванова, представляется возможным говорить о маркерах общего пословичного менталитета I и II порядка [Иванова, с. 152, 154]. Для нашего исследования понятия маркеров «единичного пословичного менталитета II порядка», которые имеют общее значение и уникальную внутреннюю форму в сопоставляемых паремиях, и «общего пословичного менталитета», когда в сопоставляемых пословицах значение совпадает с внутренней формой, также актуальны.

Следует отметить близость русской паремии-логической картины мира как с аварской, так и с английской пословичными картинами. Как утверждает С. М. Арутюнян, многие черты характера «так или иначе присущи всем народам, но в тот или иной исторический период у каждого народа та или иная черта проявляется самобытно» [Арутюнян, с. 23].

Сходство русских и английских паремий обусловлено близостью культурологической дистанции между контактирующими этнолингвистическими общностями, несмотря на территориальную отдаленность, в то время как сходство русских пословиц с аварскими пословицами основано на территориальной близости и общности исторической судьбы, быта. «Непосредственно общаясь между собой, народы обмениваются опытом жизни, обогащают друг друга и – как результат такого обмена – обогащают свои языки за счет заимствования элементов из другого, контактирующего языка» [Закирьянов, Замалетдинова, с. 52]. Правда, в нашем случае сходство обусловлено не столько заимствованиями, сколько условиями проживания соседствующих

этносов. Как отмечает Ю. В. Сухарева, «Природные условия и жизнедеятельность человека диктуют ему не только особый стиль жизни, но и определяют его видение мира, представление о нем, которые отражаются в языковой культуре. Не случайно происходит формирование темпераментов, складываются особенности уклада жизни, на все это влияет природа, окружающая среда» [Сухарева, с. 111].

Инвариантная ситуация, даже при некоторых отличиях во внутренней форме английских пословиц и специфическом выражении чувственного кода, позволяет считать русские и английские пословицы маркерами общего пословичного менталитета и универсального пословичного менталитета I и II порядка.

Одно из ключевых свойств чувства любви передается лингвокультуремой «**Любовь самостоятельно принимает решения**». Подобно человеку, любовь самостоятельно принимает решения, не приемлет нравочений в аварской и русской пословичной картинах мира: *Рокьубе малъгарухъан хIажалъуларевила*. – ‘Любовь не приемлет советчиков’ [Алиханов, Алиханов, с. 387]; *Сердцу не прикажешь* [Аникин, с. 283]. Эквивалентная английская паремия-маркер общего пословичного менталитета *Love needs no teaching*. – ‘Любовь не нуждается в учителях’ [Воркачев, с. 30] также наделяет чувство любви человеческими качествами: ею нельзя управлять, она независима. Компоненты антропоморфного кода *малъгарухъан хIажалъуларевила* – ‘не нужен советчик’, *нет советчиков, needs no teaching* – ‘не нуждается в учении’ отражают метафорический образ любви как сильного, умного существа. Абсолютная эквивалентность компонентов антропоморфного кода при подаче чувственного кода этносов говорит о сходстве в мышлении.

Сила и неуправляемость любви демонстрируется лингвокультуремой «**Любовь подобна огню**» в паремиях, где высокая интенсивность придает чувству любви признаки огня. В аварской пословице *Рокьубе ракъя биунеб, балаяль берзул нур унеб*. – ‘От любви тают кости, от страсти слепнут глаза’ [Алиханов, Алиханов, с. 387], как и в русской пословице *Любовь – не пожар, а загорится – не потушишь* [Даль], температурная метафора *рокьубе биунеб* – ‘любовь растапливает’, ‘любовь загорится’ характеризует любовь как некий объект, способный воспламениться, как нечто, обладающее высокой температурой. Сила любви может даже лишить человека зрения *берзул нур унеб* – ‘уходит зрение’ (букв.: уходит свет глаз).

Синестетический перенос «температурное → чувственное» основан на влиянии синестези-

рующего компонента *рокьубе* ‘любовь’/ *любовь* на компоненты *биунеб* ‘тает’, *загорится*, в результате чего чувство приобретает свойства огня. «В порыве страсти человек забывает и о последствиях своих поступков. Ради объекта своей страсти он готов перешагнуть любые препятствия» [Нугманов, с. 37].

В представлении англичан компоненты температурного кода также придают любви свойства огня, однако о проявлении силы любви это не свидетельствует: *Love is fire, once out, is hard to kindle*. – ‘Любовь – пожар, если погаснет, трудно разжечь’ [Воркачев, с. 30]. Любовь-пожар характеризуется по продолжительности воздействия на человека и выступает в паремии как быстро проходящее явление. «Англичанин и англичанка ищут в любви не горячку, не пожар, а удобную душевную батарею» [Филиппова, с. 98]. Данная паремия является маркером единичного пословичного менталитета I порядка, несмотря на сходство внутренней формы. В отличие от аварской и русской пословиц, в ней не отражается разрушительное воздействие любви.

Чувственный код в сопоставляемых паремиях создается, в основном, компонентами антропоморфного кода, однако шире, ярче чувственный код проявляется в сочетании с элементами температурного кода *биунеб* – ‘тает’, *пожар, загорится, не потушишь, fire* – ‘пожар’, что создает в культурном пространстве аварского, русского и английского этносов образ человека, испытывающего под влиянием любви эмоциональный подъем. Огонь как объект сравнения обуславливает представление этносов об интенсивности проявления чувств.

Иногда из-за интенсивности испытываемой любви человек теряет способность правильно оценивать окружающую обстановку. Подобная иррациональность основана на том, что «всякая любовь связана с абсолютными ассоциациями идей и впечатлений» [Делез, с. 103]. Лингвокультурема «**Влюбленный человек не может рассуждать рационально**» в аварской пословице *Рокьубе гIадалаб жо, гIадан чIвалеб жо*. – ‘Любовь безрассудна, убивает человека’ [Алиханов, Алиханов, с.387] говорит о разрушительном воздействии силы любви на отношение человека к объекту любви, формировании ошибочного мнения.

Под влиянием силы любви иррациональная оценка любви в русском пословичном фрагменте может принять характер болезни, может свести с ума, убить. «Любовь – не нормальное состояние человека, а болезнь, безумие» [Шопина, с. 173]: *Любовь и умника в дураки ставит; Любовь не тюрма, а сводит с ума* [Аникин, с. 170]. Так же

искаженно судит влюбленный человек в английской пословичной картине мира: *One cannot love and be wise*. – ‘Нельзя любить и быть умным’ [Speake, с. 195].

Синестетическая метафора, образованная под влиянием компонентов *гладалаб* – ‘сумасшедший, безрассудный’, *чIвалеб* – ‘убивающий’, переносит чувство в модальность осязания (кинестетика) и актуализирует осязательный и антропоморфный коды. Чувственный код в аварской пословице выражен интенсивнее благодаря контекстуальному окружению компонентов антропоморфного и осязательного кодов, описывающих проявление любви: семантика синестезируемых компонентов *гладалаб* и *чIвалеб* обозначает результат любви.

В аварской и русской сопоставляемых картинах мира в паремиях, где любовь управляет человеком, наблюдаются антропоморфная и кинестетическая метафоры, основанные на синестетическом переносе: «локально-пространственное → чувственное», «кинестетическое → чувственное». Так, компонент *рокьи* – ‘любовь’ актуализирует образ любви как властного человека, в чем-то агрессивного.

В английских пословицах, в сопоставлении с аварскими и русскими пословицами, паремиологический образ влюбленного человека выражает чувственный код значительно спокойнее. Если компоненты аварских и русских пословиц обладают высокой метафоричностью и эмоциональностью, то компоненты английской пословицы лишь констатируют факт, не вовлекая в описание чувства различные эмоциональные проявления, выраженные метафорическими средствами. Данные русские и английские паремии, являясь между собой маркерами единичного пословичного менталитета II порядка, по отношению к аварским паремиям являются маркерами единичного пословичного менталитета I порядка.

И, наконец, последнюю группу пословиц составляют примеры о высокой активности в проявлении любви. В части паремий любовь представляется движущей силой, несущей в себе созидательное начало. Лингвокультурема «**Любовь заставляет быть активным**» свидетельствует об эмоциональных проявлениях влюбленного человека и обнаруживается на материале русского, аварского и английского языков. В аварской пословичной картине мира интересен паремиологический образ человека, бурно проявляющего чувства: *Рокьи бишунго цидалаб цидулги кколебила* – ‘Любовь самая яростная и у медведя’ [Алиханов, Алиханов, с. 386]. Биоморфный код, выраженный компонентами *цидалаб* – ‘яростная’, *цидулги* – ‘у медведя’, в данном контексте

придает паремиологической единице эмотивность и образно свидетельствует о том, что каждое существо может любить по-своему эмоционально, даже негативно.

Постоянство и интенсивность проявления чувства любви видна и в следующих русских пословицах: *Изнизал бы тебя на ожерелье и носил бы в воскресенье* [Даль]; *Мороз любви не остудит* [Аникин, с. 185]. Компоненты антропоморфного и температурного кодов *не остудит*, *изнизал бы* отражают синестетический метафорический перенос «температурное → чувственное», «антропоморфное → чувственное», когда чувство любви выступает как «неостывающее» явление или заставляет совершать над объектом любви действия для удержания объекта рядом. Несмотря на активность влюбленного человека в аварских и русских пословицах, отличия в метафорических средствах описания, культурных кодах, реализующих чувственный код, позволяют отнести паремии к маркерам единичного пословичного менталитета I порядка.

Данные пословицы являются маркерами единичного пословичного менталитета I порядка, так как не имеют эквивалентов в английских пословицах.

Активность влюбленного человека можно обнаружить в паремиях, в которых ради любви человек готов преодолеть любые расстояния. Обращает на себя внимание тот факт, что сила любви ведет к иррациональному восприятию пространства: *Бокъулеб бакIалде нух къокъаб*. – ‘Дорога к любимому короткая’ [Алиханов, Алиханов, с. 70]; *Не далеко к милому – 90 в сторону; К милому другу крюк не околица; К милому другу семь верст не околица* [Рыбникова, с. 83]. Компоненты внутренней формы данных паремий являются семантическими эквивалентами, так как обозначают кажущееся близкое расстояние: *нух къокъаб* – ‘дорога короткая’ / *не далеко / 7 верст не околица / крюк не околица*. В английской пословице *He that has love in his breast, has spurs in his sides*. – ‘У влюбленного шпоры в боках’ [Григорьева, с. 61] эквивалентная ситуация передается обращением к культурно-специфическому образу жизни англичан. Так, лексическое сочетание *spurs in his sides* – ‘шпоры в боках’ отражает традиционное увлечение англичан конными скачками. В сопоставляемых пословицах, несмотря на отличие семантики компонентов пословиц, мы можем заметить тождественность значения пословиц: готовность с легкостью преодолеть большое расстояние ради любви. Чувственный код в паремиях актуализируется локально-пространственным кодом в русских и аварских

пословицах, соматическим, антропоморфным кодами – в английской пословице.

В качестве концептуально важного аспекта, отражающего повышенную эмоциональность, динамику в любви, является **усиленное реагирование человека** на окружающий мир. Влюбленного человека можно узнать по физиологическим проявлениям: слезливости, эмоциональности. Влюбленный человек совершает действия, говорит быстрее, чем обычно: *Пашманасул маглу глемераб, рокьи ккарасул хабар глемераб*. – ‘У опечаленного много слез, у влюбленного много слов’ [Алиханов, Алиханов, с. 357]. Особенность чувства любви в аварских пословицах заключается в том, что оно может выдаваться внутренним состоянием человека, его усиленным реагированием на окружающий мир.

Английскую языковую личность также выдает несвойственная говорливость: *Love makes men orators*. – ‘Любовь делает человека красноречивым’ [Воркачев, с. 33]. В отличие от аварской пословицы, семантика английской пословицы формируется на основе антропоморфной метафоры. Любовь, как человек, обретает способность действовать.

Чувственный код в пословичном представлении аварцев и англичан реализуется также компонентами антропоморфного кода *хабар* – ‘разговор’, *orators* – ‘оратор’, *рокьи ккарасул* – ‘влюбленный’, *пашманасул* – ‘опечаленный’. Отсутствие в русском пословичном материале эквивалентных паремий говорит о несовпадении при сравнительно-сопоставительном анализе, то есть о лакунах, которые отражают «национальную специфику того или иного языка» [Быкова, с. 9].

В следующих аварских пословицах особенность чувства любви заключается в том, что ему также свойственна **большая степень интенсивности**: *Ургъел кьижараб, рокьи борчIараб*. – ‘Печаль клонит ко сну, любовь будит’; *Ургъел макъигIдулеб, рокьи гьабудулеб*. – ‘Печаль клонит ко сну, любовь заставляет действовать’ [Алиханов, Алиханов, с. 425]. Любовь в аварской паремии выступает как одушевленное существо, человек. Антропоморфная метафора, несвойственная другим паремиям этой группы, возникает в результате актуализации семы *борчIараб* – ‘проснувшаяся’, *гьабудулеб* – ‘трудится, действует’ в сочетании с абстрактным понятием *рокьи* – ‘любовь’. Чувственный код в рассматриваемых пословицах представляет любовь через компонент антропоморфного кода и придает чувству любви человеческие черты.

Комплексная интерпретация паремий аварского, русского и английского языков свидетель-

ствует об актуальности различных компонентов концепта «любовь» в сопоставляемых языках. При универсальности способов формирования паремиологического образа любви посредством различных метафорических переносов и различных кодов национально-культурный характер сопоставляемых пословиц достаточно очевиден. В соответствии с этим чувственный код, обозначающий эквивалентное универсальное отношение сопоставляемых этносов к чувству любви, реализуется в каждом языке специфическим сочетанием кодов.

Как считает современный исследователь Л. Н. Дробижева, «Вряд ли есть качества или свойства, присущие только одному народу. Но своеобразное сочетание их и степень выраженности составляют особенности психики этнических общностей» [Дробижева, с. 18].

Согласно точке зрения известного исследователя Г. Л. Пермякова, «вся разница между пословицами, вся их этническая, географическая и прочая специфика – в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них. А все общее – в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни» [Пермяков, с. 21].

Сравнительно-сопоставительный анализ аварской, русской и английской пословичных концептосфер позволяет установить черты сходства и отличия в концептуализации всеильности любви и в проявлении менталитета. Параллельные семантические группы в паремиях в значительной степени основаны на одинаковых когнитивных структурах. При этом лакунарность некоторых явлений в английской и частично русской пословичных картинах и различие коннотаций, обозначающих одни и те же явления в разных языках, объясняются спецификой менталитета этносов.

Список литературы

- Алиханов З., Алиханов С. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2012. 584 с.
- Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
- Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар: Изд-во Краснодарского гос.пед. ун., 1966. 271 с.
- Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2003. 313 с.
- Воркачев С. Г. *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии: монография. Волгоград: Парадигма. 2012. С. 28–35.
- Григорьева А. И. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. М.: АСТ, 2009. 217 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. URL: <http://www.6lib.ru/books/poslovici-i-pogovorki-russkogo-naroda-179298.html>. (дата обращения: 27.05.2017)

Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ». 1999. 190 с.

Дробизева Л. Н. Об изучении психологических аспектов национальных отношений // Советская этнография, 1974, № 4. С. 15–26.

Закирьянов К. З., Замалетдинова Г. Ф. Взаимодействие и взаимообогащение языков в полиэтническом пространстве (на материале контактов русского и башкирского языков) // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 3 (41). С. 52–58.

Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): дис. ... д-ра филол. наук: Санкт Петербург, 2003. 415 с.

Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. СПб.: МИК / Лань, 1996. 352 с.

Кусковская С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск: Высш. шк., 1987. 253 с.

Мюррей Ю. Русские пословицы, поговорки и фразеологизмы и их английские аналоги. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 384 с.

Нугманов Р. Г. Философия страстей (или искусства) // Вестник КазГУКИ. 2013. № 2. С. 36–42.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука, 1988. С. 11–33.

Полиниченко Д. Ю. Концепт «язык» в английской паремиологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004, Вып. 26. С. 83–90.

Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. СПб.: Лань. 1997. 256 с.

Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. Издательство Академии наук СССР. М.: 1961. 222 с.

Сухарева Ю. В. Взаимобусловленность картины мира и языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ, Серия «Лингвистика», выпуск 14. № 2, 2012, С. 110–113.

Филиппова М. М. Английский национальный характер: учеб. пособие. М.: АСТ: Астрель, 2007. 382 с.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие, 5-е изд-е. М.: Флинта, 2009. 184 с.

Шопина Н. Р. Изображение любовного чувства в древнегреческой литературе (эпос, лирика, трагедия) // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 21 (681). С. 171–184.

Margulis A, Kholodnaya A. Russian-English dictionary and sayings. McFarland & Company, Inc. Publishers, North Carolina. 2000. 487 p.

Speake J. Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University press. 2003. 388 с.

Anikin, V. P. (1988). *Russkie poslovitsy i pogovorki*. [Russian Proverbs and Sayings]. 431 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

Arutiunian, S. M. (1966). *Naciia i ee psihicheskii sklad* [Nation and Its Mentality]. 271 p. Krasnodar, Izd-vo Krasnodarskogo gos.ped. un. (In Russian)

Bykova, G. V. (2003). *Lakunarnost' kak kategoriia leksicheskoi sistemologii* [Lacunarity as the Category of Lexical Systemology]. 313 p. Blagoveshhensk, izd-vo BGPU (In Russian)

Dal', V. I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda*. [Proverbs and Sayings of Russian People]. URL: <http://www.6lib.ru/books/poslovici-i-pogovorki-russkogo-naroda-179298.html> (accessed: 27.05.2017). (In Russian)

Delez, Zh. (1999). *Marsel' Prust i znaki* [Marsell Prust and Signs]. 190 p. St. Petersburg, izd-vo "ALETEJJA". (In Russian)

Drobizheva, L. N. (1974). *Ob izuchenii psichologicheskikh aspektov nacional'nyh otnoshenii* [On the Research into Psychological Aspects of National Relations]. Sovetskaia etnografiia, No. 4, pp. 15–26. (In Russian)

Filippova, M. M. (2007). *Angliiskii nacional'nyi karakter: ucheb. posobie* [English National Character: A Manual]. 382 p. Moscow, AST: Astrel'. (In Russian)

Grigor'eva, A. I. (2009). *1000 russkikh i angliiskikh poslovits i pogovorok*. [1000 Russian and English Proverbs and Sayings]. 217 p. Moscow. AST. (In Russian)

Ivanova, E. V. (2003). *Poslovichnaia konceptualizaciia mira (na materiale angliiskikh i russkikh poslovic)*: dis. ... d-ra filol. nauk [Proverbial Conceptualization of the World (based on English and Russian proverbs): Doctoral Thesis]. St. Petersburg, 415 p. (In Russian)

Khrolenko, A. T. (2009). *Osnovy lingvokulturologii*. [Foundations of Cultural Linguistics]. Uchebnoe posobie, 184 p. 5-e izd-e. Moscow. Flinta. (In Russian)

Kuskovskaia, S. F. (1987). *Sbornik angliiskikh poslovits i pogovorok*. [Collection of English Proverbs and Sayings]. 253 p. Minsk, Vyssh. shk. (In Russian)

Kuz'min, S. S., Shadrin, N. L. (1996). *Russko-angliiskii slovar' poslovits i pogovorok: 500 edinits*. [Dictionary of Russian and English Proverbs and Sayings: 500 Units]. 352 p. St. Petersburg, MIK / Lan'. (In Russian)

Margulis, A., Kholodnaya, A. (2000). *Russian-English Dictionary and Sayings*. 487 p. McFarland & Company, Inc. Publishers, North Carolina. (In English)

Miurrei, Iu. (2008). *Russkie poslovitsy, pogovorki i frazeologizmy i ikh angliiskie analogi*. [Russian Proverbs, Sayings and Phraseological Units and Their English Analogues]. 384 p. Moscow, AST; St. Petersburg, Sova. (In Russian)

Nugmanov, R. G. (2013). *Filosofiiia strastei (ili iskusstva)* [The Philosophy of Passion (or of the Art)]. Vestnik KazGUKI, No. 2, pp. 36–42. (In Russian)

Permyakov, G. L. (1988). *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Foundations of Structural Paremiology]. Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka, [Research on Folklore and Mythology of the East]. 236 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Polinichenko, D. Ju. (2004). *Koncept "iazyk" v angliiskoi paremiologii* [Concept "Language" in English Pa-

References

Alikhanov, Z., Alikhanov, S. (2012). *Avarskie poslovitsy i pogovorki* [Avar Proverbs and Sayings]. 584 p. Makhachkala, Izdatel'skii dom "Epokha". (In Avar)

remiology]. Jazyk, soznanie, kommunikaciia: Sb. statei / Otv. red. V.V. Krasnyh, A. I. Izotov. Vyp. 2, 168 p. Moscow, MAKS Press. (In Russian)

Raidaut R., Uitting K. (1997). *Tolkovyi slovar' angliiskikh poslovits* [Monolingual Dictionary of English Proverbs]. 256 p. St. Petersburg, Lan'. (In Russian)

Rybnikova, M. A. (1961). *Russkie poslovitsy i pogovorki*. [Russian Proverbs and Sayings]. 222 p. Moscow. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

Shopina, N. R. (2013). *Izobrazhenie liubovnogo chuvstva v drevnegrecheskoi literature (epos, lirika, tragediia)* [Depicting Love in Ancient Greek Literature (Epos, Lyrics, Tragedy)]. Vestnik MGLU. Herald of MGLU, vyp. 21 (681), pp. 171–184. (In Russian)

Speake, J. (2003). *Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University press. 388 p. (In English)

Suhareva, Ju. V. (2012). *Vzaimoobuslovlennost' kartiny mira iazykovoii kartiny mira* [Interdependence of the Picture of the World and Language Picture of the World]. Vestnik JuUrGU, Herald of JUrGU, Serija "Lingvistika". Vyp. 14. Issue 14, No.2, pp. 110–113. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2012). *Anglica selecta: izbrannye raboty po lingvokontseptologii: monografiia*. [Anglica Selecta: Selected Works in Linguoconceptology]. Volgograd: Paradigma. Pp. 28–35. (In Russian)

Zakir'ianov, K. Z., Zamaletdinova G. F. (2015). *Vzaimodeistvie i vzaimoobogashhenie iazykov v polijetnicheskom prostranstve (na materiale kontaktov russkogo i bashkirskogo iazykov)* [Interaction and Mutual Enrichment of Languages in Multiethnic Space (based on contacts of the Russian and Bashkir languages)]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture, No.3 (41), pp. 52–58. (In Russian)

The article was submitted on 22.06.2017

Поступила в редакцию 22.06.2017

Исаева Эльвира Магомедовна,
соискатель,
367901, Россия, Махачкала,
п. Ленинкент, 1 мкрн., 8-я линия, д.36.
Razita_79@mail.ru

Isaeva Elvira Magomedovna,
Ph.D. applicant,
36, 8th Line, 1st District, Leninkent Pr.,
Makhachkala, 367901, Russian Federation.
Razita_79@mail.ru